

Sè seoda Josip

*Ulesny sorpovnyy Uocuna
fantjezi*

18+

Kiena Chanaba

Алена Чапаева
Шесть сокровищ Йосипа

«Автор»

2015

Чапаева А.

Шесть сокровищ Йосипа / А. Чапаева — «Автор», 2015

Повесть рассказывает о приключениях средневекового рыцаря Йосипа. Набожный, наивный и излишне самоуверенный главный герой из своего уютного родового поместья попадает в жестокий мир, полный жуликов и проходимцев. Он не замечает самого главного - его судьба уже давно предопределена. Йосипу придется пройти трудный путь и стать настоящим магом, чтобы изменить планы врагов и вернуть самое ценное - любовь.

© Чапаева А., 2015

© Автор, 2015

Алена Чапаева, Ева Чапа

Шесть сокровищ Йосипа

Часть первая. В поисках чаши

Селение, лишь на треть состоявшее из каменных домов, было почти не пригодно для круглогодичного обитания; тем не менее, значительная часть гоев жила тут постоянно. Как же возможно было существовать зимою в помещении с прохуdivшейся крышей и щелями толщиной в ладонь? Подобная мысль вызывала у Йосипа недоумение и тоскливое сочувствие. Он-то сам был из богатой семьи, и нищета была для него чем-то сродни страшных сказок, рассказываемых нянечкой на ночь.

Задать любой вопрос здесь было совершенно некому – кругом выглядывали такие испуганные лица, что свободолюбивый Йосип невольно содрогнулся от чувства, похожего, скорее, на отвращение, нежели на сострадание.

Рыцарь знал, что христианину негоже испытывать подобные эмоции по отношению к ближнему, будь хоть тот даже тот язычник, и трижды гой, и торопливо пробормотал молитву, дабы укротить неуместную, как ему показалось, гордыню.

Местные зеваки с разинутыми ртами глядели на рослого, ни чета им, мужчину, одетого в хорошую одежду, и защищенного доспехом, по которому в добавок скатывалась шелковистая шкурка золотистой лисицы. Йосип осознал, что выглядит для собравшихся солнцеподобно, и снова наполнился моложавой гордыней. Правдивость горделивой мысли подтвердилась неожиданной выходкой язычников – все они вдруг пали ниц, прямо под копыта гнедого, как земля, коня. Скакун, не привыкший к подобным трюкам, встал на дыбы, и чуть было на смерть не передал сразу пятерых зевак. После этого Йосип счел нужным спешиться, но тут же пожалел об этом, ибо его новехонький сапог угодил в кучу навоза.

Язычники смотрели на «солнцеподобного» снизу вверх, стараясь встречаться взглядами. Йосип быстро прошел мимо них, волоча за собой перепуганную лошадь. Он никогда бы не остановился в подобной дыре, но карта указывала именно на эту реку, и эту гору.

Таверны здесь не было, в бараках, по всей вероятности, было полно крыс, и люди, судя по их худобе, голодали. О том, чтобы купить пищи, и речи быть не могло. Испросить ночлег здесь Йосип бы побрезговал – в этих труппах можно было схлопотать чесотку, или еще какую-нибудь заразу, от которой потом спасу не будет.

Размышляя об этом, рыцарь добрал до середины поселения, где было сооружено что-то вроде языческого капища. Мысленно плюнув, он размашисто перекрестился и неожиданно замер. На вершине капища был Тот Самый Знак. Это означало, что Йосип у цели.

Йосип родился в очень набожной семье. Его мать, Катарина, до замужества служила послушницей в монастыре, а отец, Сысой, был хоть и не священник, а богатый землевладелец, почитал Всех Святых, а особенно Иосифа Аримафейского, хранителя Святынь Божиих. В честь него он и назвал старшего сына.

Часто отец после ужина рассказывал семье истории о Святых и Великомучениках, особенно выделяя подвиги Иосифа Аримафейского, собравшего неисчислимые духовные сокровища, главным из которых была Чаша Грааля. Йосип искренне интересовался жизнью своего Святого, все время задавая вопросы, не имеющие, правда, отношения к его духовной жизни. Как именно Иосиф тело христово выпросил у Пилата? Вербки использовал ли? А чашу куда дел?

У Сысои и Катарини было девять детей. Йосип был вторым по счету, но старшим из сыновей, 1281 года от Рождества Христова. Кроме него, у четы было еще только два сына, а все

другие дети были рождены девочками. Среди девиц особой красотой и талантом выделялась старшая, Магдалена, чем и вызывала серьезное беспокойство отца, дескать, назвал на свою голову в честь, хоть и раскаявшейся, но грешницы. Йосип был старший сын, и все имение должно было после смерти отца перейти к нему.

Если в письме и чтении Йосип, можно сказать, преуспел, то латынь ему никак не давалась. Когда требовалось проспрягать, к примеру, глаголы, Йосип просто списывал должное у братьев, или у Магдалены (которую одну из сестер отец отправил с братьями на обучение, дабы девица тщеславию от красоты своей не поддавалась).

Наследник поместья не отличался большою смекалкой, но был приятен статностью и ликом. Братья, зная его доверчивость, частенько подшучивали над ним, то вещая из-под лавки «наставления» змееподобным голосом, то посылая «знаки» вроде упавшего с потолка медного гроша.

Когда Йосипу стукнуло восемнадцать, а его братьям – пятнадцать и тринадцать, до среднего Петра как-то вдруг дошло, что, пропади Йоська пропадом где-нибудь на болотах, наследником папенькиных имений будет он, Петр. Так шутки брата стали коварнее, а подпруги Йосипова скакуна слабее.

Брат, наблюдавший за ним с рождения, в тайне считал Йосипа слабоумным, но виду не подавал, посему как грел его душу коварнейший план. Пока что шестнадцатилетний мальчишка не мог еще совершить злое умно, он совершал его по-детски.

Нарисовать карту с пометкой нахождения Чаши Грааля пришлось Петру в голову после очередного семейного вечера. Он взял кусок овечьей кожи, из которой шили разные предметы вроде сумок или обуви для девочек, и нарисовал там первую в жизни карту с указанием места, где находится Чаша Грааля. Для убедительности использовал латынь и скрижал собственное изобретения.

Благополучно спрятав кожу в лесу, на следующий день он потащил братьев охотиться на белок, и, как бы случайно, опрокинул бревно, под которым и была карта. Как и предполагал Петер, Йосип затрепетал от нетерпения и уже на следующий день седлал коня. Оставалось только «подправить» кой-чего в конской сбруе и ложиться на «милость» злого случая.

Знак, который пришел в голову Петру, был увиден им в каком-то свитке; там говорилось что-то про «тар» или «титр», а знак представлял из себя око с лучами-ресницами. Откуда было знать мальчишке, которого воспитывали в строгости и покорности божьей силе про разные языческие знаки? Он нарисовал то, что видел когда-то, и все. Приписал рядом название самого дальнего города своей провинции...

Так Йосип оказался за сотню миль от родного дома, в каком-то диком поселении, где даже кони-то были дивом.

Йосип привязал коня и трижды обошел капище. За ним по пятам прошли три круга два мальчика-оборванца. Йосип остановился. Мальчишки тоже. За рыцарем наблюдали человек двадцать, но подойти не решался никто.

Йосип не знал, что делать дальше. На карте было четко указано, что чаша должна быть под глазом. Стало быть, надо копать. Йосип почувствовал себя бессильным, ибо не взял с собою ни одного из слуг. Он готов был отвоевать чашу силой и взял меч. Он готов был отвоевать чашу молитвой, и взял псалтирь. Но он не готов был копать, и не взял лопату.

Йосип снова посмотрел на кучку перепуганных его визитом язычников. В основном это были женщины и дети. Среди мужчин был заметно высок только один, но он был какой-то хромой. «Интересно, куда подевались их мужики?» – подумал Йосип. Он попытался заговорить с местными, но они только тарасили на него глаза, не понимая ни слова.

Следовало изучить окрестности, и, может, заночевать в лесу. Прошлую ночь Йосип ночевал в харчевне, что было не удобно, так как вместо мягкого пуха, как дома, ему постелили

всего-навсего рогожу, напичканную соломой. Здесь не пришлось бы рассчитывать и на это. В лесу зимой сын богача и землевладельца не ночевал ни разу, но отец рассказывал, что нужно сделать настил из веток, и тогда не холодно.

Йосип быстро глянул на лошадь. Та словно поняла его взгляд и молча легла на землю. Этот упрямый конь всегда так делал, когда не хотел идти. Йосип почувствовал, что руки сковывает холод – к вечеру прибывал мороз. Он поискал у себя в кишени медь и дал мальчишкам по половинке самой мелкой монеты.

Подействовало. Ребятня окружила Йосипа с явным намерением его разорить. Тут стали подтягиваться местные женщины, и контакт мало-помалу налачился.

Жестами Йосип объяснил, что заблудился. Его пригласили в глубину поселения, где им был обнаружен храм с колоннами и языческим богом, точнее, тем, что от него осталось. Рядом с храмом был костер и огромный котел, в котором кипятилась вода.

Помятуя о страшных историях и языческих традициях «встречать» гостей, Йосип почувствовал легкую тревогу. Перед его глазами уже пронесли картины с кипящими святыми, когда неожиданно ему под нос поднесли в ковше травяной отвар. Йосип принялся к бурлящей жидкости, вспоминая истории о пьянящих дурманах и травах, используемых язычниками для своих обрядов. «Отравят» подумал он, но выпил.

Оказалось, обычный отвар. Йосип немного даже огорчился, – не видят они в нем опасности, что ли. Две женщины жестами пригласили его в дом. «Заманят, а потом шкуру снимут», – подумал Йосип, и все же пошел. «Ежели и умереть, так во славу Христову, пусть даже от лап язычников, – подумал он, – но лучше чтобы все же немного попозже...»

"Дикари" оказались даже в чем-то гостеприимными, отогнали собак, провели в хлипкий с виду дом. Когда одна из женщин открыла перед ним дверь, за этой дверью оказалась лестница вниз. По этой лестнице они спустились в довольно просторное помещение, оборудованное под жилье: там была печь, лавки для спанья и несколько кувшинов с зерном и водой.

Йосип обрадовался, что не придется ночевать в лесу, растянулся на одной из лавок, и тут же заснул.

Утром его разбудил странный запах – была смесь травы чебреца с еще чем-то терпким. Он открыл глаза. Над ним возвышалась женская фигура. Женщина расчесывала длинные, до колен, волосы деревянным гребнем. Она смеялась и явно заигрывала, напевая песенку. Йосип смутился и сел. У него еще не было женщины, отец говорил, что блуд есть грех. Но чего можно ждать от этих язычников! В землянке было темно, и совершенно непонятно, какого возраста была соблазнявшая. Может, это старуха без зубов и стыда! И все же, Йосип почувствовал волнение.

Она изящно подошла к нему и, воркуя, расчесала его кудри. Йосип сомлел от этих прикосновений. Через пару минут он уже был готов забыть наставления отца, но тут в комнату ворвался свет от внезапно открывшейся двери. Женщина вскрикнула и закрыла лицо руками, но огромный ожог на правой щеке не ускользнул от внимания нашего гостя. «Эге, – подумал он, – это ведь может быть какая-то зараза вроде чумы!»

Рыцарь быстро обул сапоги и вышел на улицу. Как это он потерял бдительность? А что, если они тут все заражены, и он возьмет и притащит домой неведомую тлень? Чума начала свирепствовать в больших городах лет десять как, но пока она еще не добралась до отдаленных имений вроде отцовых. Здесь, в убогом языческом поселении, болезнь вполне могла выкосить всех мужчин – иначе куда же они делись?

Во дворе, недалеко от огромного котла, Йосип обнаружил старушку, которая провела его в землянку. Она улыбнулась ему, и он с удивлением заметил, что у нее хорошие и крепкие зубы. У его матери уже не было двух зубов, а у этой старухи были. Может, дело в отваре, мелькнуло в голове у Йосипа, пока он седлал коня. При свете дня он заметил надорванные

ремни и подпруги. «Мерзкие язычники, – подумал Йосип с долей удовлетворения, – все же навредили!»

Старуха подошла к нему и протянула плошку с вареным зерном. Йосип снова подумал, что его хотят отравить, но все равно поел – уж очень хотелось. Это была обычная каша. Рыцарь отблагодарил старушку мелкой монетой и указал на подпруги – дескать, ваших рук дело. Старуха выразила недоумение и заковыляла прочь.

Что оставалось делать? Седло было расшатано до полной непригодности. Пришлось просить помощи у местных. Купил кожаный ремень за пятак и приделал с помощью мальчишки-помощника к седлу. На это, правда, ушло полдня.

Сам бы Йосип не справился, уж очень он был изнежен и не приучен к монотонной, почти женской, работе. Вот драка другое дело: воинскому мастерству Йосип учился давно, ловко перехватывая удары наемных учителей, тренируясь у них по звуку клинка определять тщетность или опасность грядущего столкновения. Вряд ли, впрочем, рыцарь понимал, насколько сильно истинное сражение отличается от спортивных упражнений во дворе собственной усадьбы.

К полудню конь Йосипа был оседлан и взнуздан, а помощник, щуплый мальчишка лет шестнадцати, робко шмыгал носом и, несмотря на полученные деньги, не торопился уходить. Йосип похлопал его по плечу и уже хотел было ускакать прочь, но вдруг вспомнил про капище, знак и чашу.

«Эй, – обратился он к мальчишке, медленно выговаривая слова, – ты можешь достать лопату? Копать, копать?» Жестами наш гость объяснял местному парню свои намерения.

Мальчишка сверкнул глазами и бегом метнулся в ближайший амбар, из которого вернулся, вооруженный киркой и лопатой. Какая-то женщина подняла крик, но мальчишка что-то звонко ответил ей, после чего легко и нахально забрался к Йосипу в седло, схватив его за талию. Инструменты для копания помощник положил в заплечный мешок. Йосип недовольно хмыкнул, но возражать не стал, и слегка прищипил гнедого.

Если бы не кольчуга, Йосип смог бы понять, что в его спину упираются не мальчишеские сухие масла, а пара небольших, но упругих и таких же нахальных, как их хозяйка, девичьих грудей. Однако доспехи скрыли от рыцаря самое главное, и Йосип продолжил путь, потеряв из внимания то, из-за чего потом не раз попадет в переплет.

Конечно, никакую чашу они не откопали, но зато дальше продолжили путь вместе. «Мальчишка» так услужливо старался, принося еду и питье, снимая с хозяина сапоги и начищая меч до блеска, что Йосип решил оставить его в услужение. Конечно, бабушка «парня» пыталась втолковать гостю что-то особенное, но никто никого не понял. Тогда мудрая бабуля махнула сухой ладонью, решив про себя, что так будет лучше, собрала внучке в мешок съестного и всяких важных вещей, которые могли пригодиться девице в дороге, и, благословив на свой манер, простилась с обоими.

Проведя еще одну ночь в странном поселении, где шныряли крысы и капало с потолков, Йосип возблагодарил небеса за свою собственную благополучную жизнь и начал было путь обратно.

Айрис, как представилась хитрая служка-мальчишка Йосипу, как ни в чем не бывало, снова уселась позади в седло и обняла рыцаря за талию. Она в свои пятнадцать уже прекрасно понимала, что мужчина для женщины как добыча для сокола, главное, не упустить своего, и будешь всю жизнь сыта и довольна. И хотя мыслей соблазнить и женить на себе рыцаря у нее пока еще не было, а было, скорее, простое и понятное желание сбежать от постылых односельчан и нищеты, сама того не ведая она уже присмотрелась к статному рыжему парню, и даже успела немного влюбиться.

Путь Йосипа начался вроде неплохо, и они уже проехали треть дороги, как вдруг наткнулись на цыганский табор. Табор встретил прохожих необычайно дружелюбно и заставил рыцаря спешиться.

Как мы уже упоминали, Йосип был из тех, кто легко впадает в доверие. Пока он находился под надзором отца, матери и слуг, с ним ничего плохого случится не могло, но тут, за сотню миль от дома, он был просто потерянным ребенком, играючи зашедшим в лес и не ведающим, сколько опасностей таит лесная чаща.

Однако не такова была Айрис: девочка выросла в борьбе за выживание, так как не раз ее селение подвергалось набегам кочевников и прочих оголтелых бандитов. Алчный глаз цыгана не ускользнул от ее внимания, как и жадные руки, как бы невзначай начавшие лелеять гриву гнедого породистого скакуна. Но как объяснить рыцарю, что тут останавливаться не стоит? К тому же, цыгане сразу раскусили ее суть и пол, и уже хитро поглядывали на странную парочку.

«Ти ведь дывка, – шепотом сказал рослый цыган, подмигнув Айрис, – а шо, пойдешь до mine в табор? Я тебе такого мужа найду, ух. Толка скажи, – цыган приблизил вплотную коричневый глаз к лицу Айрис, – гиде твой гаспадын денга прачет?»

Айрис оттолкнула нахала и побежала за Йосипом, которого уже закружил хор цветастых юбок, разноцветных шалей и призрачной любви.

«Йосип, – хрипло взывала Айрис, – Йосип, стоп, Йосип!»

Рыцарь обернулся, но по его улыбке было видно, что цыгане уже позаимствовали его душу и вот-вот приступят к следующей части спектакля – выманиванию денег. Айрис как клещ впиалась в ногу своего благодетеля и даже куснула его за бедро, чтоб обратил на нее внимание. Йосип удивленно взглянул на слугу, и будто бы пришел в себя от укуса, но юбки как-то очень ловко отгеснили хрупкую Айрис в сторону и скрыли рыцаря за кибитками и навьюченными ослиами.

Так они остались без коня, доспехов, меча и значительной части денег. Кроме того, рыцарь лишился сапог, обретя взамен худые деревянные башмаки и житейский опыт. Йосип готов был рвать на себе волосы от досады, он выл и рыдал, сетовал на судьбу, посыпая голову дорожной пылью. Айрис молча взирала на всю эту истерику и равнодушно перебирала за пазухой монеты.

Айрис была, как говорится, не промах. Еще в момент первой поездки верхом она поняла, что рыцарь прячет деньги в сапогах. Она ни за что не стала бы воровать у своего покровителя, но в тот момент, когда паладин попался под чары цыганок, решила на отчаянный шаг – тайно вытащила у него из сапога мешочек с деньгами и сунула за пазуху.

Теперь перед Айрис стояла дилемма: можно было бросить незадачливого простака и потратить деньги на себя любимую, купив платье, еду и приданное, – или остаться в качестве оруженосца с этим странным чужаком, ведущим себя, мягко говоря, не по-мужски. Пока рыцарь убивался по потере, девушка насчитала сто двадцать пять монет, часть из которых была чистым серебром, и около пяти – золотом. Этого бы хватило, чтобы поправить старое жилье, купить себе и сестрам одежду, наладить хозяйство и, наконец, нормально поесть. Первый раз в жизни – досыта.

Она встала. Ну да, пока он катается в пыли и в истерике, следует исчезнуть и вернуться домой. Дома переодеться в женское, и он ее не узнает, даже если придет искать. Нормальный план. Айрис сделала два шага к тропинке.

В этот момент за спиной Йосипа раздалось злобное хрюканье и возникла уродливая голова дикого кабана. Кабан не мигая, смотрел на катающееся по пыли тело и злобно рыл клыками землю. Он явно решил напасть на шумное существо.

В этот момент в сознании язычницы шевельнулось вполне христианское чувство. Айрис взвизгнула и ринулась на защиту своего господина. Она кинула в кабана тяжелый камень, и

тот, обомлев на секунду от приступа ярости, кинулся на Айрис. Девушка со всего духу, петляя, помчалась в чашу, содрогаясь от топота кабанных ног, но все же прижимая к животу заветный сверток. Наконец, она увидела подходящее дерево и вскарабкалась почти на самый верх. Кабан немного покрутился и трясцой убежал в чашу, недовольно хрюкая.

Пока Айрис слезала вниз, Йосип, наконец, пришел в себя. Он подбежал к дереву, дождался, пока слуга слезет, и до того сильно прижал Айрис к себе, что чуть не выдавил из нее жизнь. Вне себя от радостного чувства благодарности, он несколько раз так звонко поцеловал ее, что Айрис начала понемногу терять самообладание. Вот они, поцелуй, подумала она, вот так они действуют. У нее подкосились ноги и закружилась голова. Йосип принял эту слабость за испуг мальчишки после нападения кабана, бережно взял ее на руки и понес к реке, чтобы умыть.

Надо ли говорить, что Айрис передумала бежать немедленно? Впрочем, отдать Йосипу его деньги она тоже как-то пока не решилась.

Часть вторая. В поисках меча

Уж лучше смерть, чем потерять оружие, говорил в свое время учитель фехтования. Йосип был гордым человеком. Он знал, что, как не гоже девушке снимать платье где попало, так и не следует рыцарю бросать меч. Когда Йосип представил себе себя самого, как он возьмет да и явится перед отцовским домом, оборванный, без меча, коня, сапог и денег, ему стало невыносимо стыдно. Он решил, что должен любой ценой вернуть если не коня, так хотя бы гербовое оружие, подаренное отцом.

Айрис, которая потихоньку разделила монеты, припряв половину из них в потайной карман рубашки, а другую зашив в распоротую штанину, сидела слегка понуро, несмотря на улыбки господина, посылаемые ей в знак благодарности. Девушке было тоже невыносимо стыдно, но рыцарь был знатным, в любое время он мог вернуться домой и оставить ее в деревне, где иногда приходилось вместо вареного зерна есть дикие корни.

Когда Йосип резко встал и объявил о своем желании поймать цыгана, похитившего его сокровище, подкрепив слова эмоциональными жестами, Айрис ощутила, как у нее засосало под ложечкой от плохого предчувствия.

Поев лесных ягод и выпив воды из ручья, то есть совершенно на пустой желудок, Йосип и Айрис двинулись по следу цыганских повозок и лошадиных копыт. Рыцарь был бодр и нарочито весел, он читал по дороге псалтырь и распевал гимны, в то время как Айрис с каждым поворотом мрачнела. Ей представилось, как цыгане встретят незадачливого рыцаря, и как припекут его железным прутком, а ее, Айрис, привяжут к конскому хвосту. Она уже видела подобные зверства у кочевников, разорявших окрестные села... Но сбежать от паладина ей не позволяла то ли совет, то ли совсем другое чувство, потихоньку зарождавшееся в юном и до тех пор пустовавшем сердце.

Перед закатом они услышали вдали говор и песни; цыгане устраивались на ночлег прямо посреди поля. Ночь обещала быть лунной, что упрощало дело. Йосип ускорил шаг до бега, и, когда добрался до зоны видимости лагеря, спрятался в кустах. Айрис ничего не оставалось, как залечь рядом.

Пока темнело, женщины варили что-то в котлах и пели, а мужчины занимались лошадьми. Когда все кони были стреножены, а ужин готов, люди уселись и начали говорить. Вскоре возвысился над всеми седой цыган, повисла тишина. Это явно был их старейшина. Он что-то долго рассказывал, затем позвал одного из мужчин, и женщину, и говорил с ними двумя. Женщина громко разрыдалась, потом вдруг пустилась в пляс, хохоча и напевая. Мужчина вслед за ней тоже принялся отплясывать замысловатые кренделя. Люди вокруг придавали

ритм этому восторженному танцу, подпевали нестройной песне, и уже через минуту на поляне кружилось, пело, веселилось...

Йосип счел, что это самое время, дабы подползти поближе. Он начал движение на четвереньках, как вдруг к нему с подскоком пришел его стреноженный скакун, узнал хозяина. Йосип погладил бархатный нос, освободил путы и накинул веревку на шею гнедого, передав ее Айрис, чтобы слуга спрятал коня подальше.

Айрис увела лошадь на дальнюю поляну, привязала к дереву и вернулась. Йосип к этому времени уже был под кибиткой; он ловко влез под настил и начал обыск. Меча в этой повозке не было. Так, потихоньку, рыцарь обшарил еще три повозки, но оружие не нашел.

В момент, когда Йосип переползал в четвертую кибитку, он был замечен одним из мужчин. Раздались вопли, рыцаря быстро схватили и, после непродолжительных и нечувствительных пинков по кольчуге, приволокли к старейшине.

Цыганки с любопытством глядели на него, посмеиваясь, мужчины же явно хотели суда над «вором». Йосип понял, что его узнали.

– Ты откуда? – спросил старейшина.

– Я рыцарь из поместья, что называется Крыло Сокола. Сысой мой отец. Твои люди ограбили меня. Вели отдать мне то, что принадлежит мне.

– Если вещь ушла от господина, господин не достоин вещи, – сказала толстая цыганка на языке, понятном рыцарю, – мы ничего не взяли, что ты сам не отдал.

– Хм, вообще ты должен был бы умереть, – сказал старый цыган, – но сегодня свадьба моего сына. Я прощаю тебя. Больше того, если ты нас чем-то развлечешь, мы отдадим тебе то, что ты нам дал. Я имею в виду только три любимых вещи.

Раздался одобрительный смех. Рыцарь растерялся. Развлекать цыган? Чем же?

Йосип знал несколько церковных гимнов, две застольные песни и одну колыбельную. Он умел писать и читать, но это никак не могло помочь ему в этой ситуации. Рыцарь посмотрел по сторонам. На одном усатом цыгане Йосип увидел свои сапоги, другой листал его фамильный псалтырь, третий, здоровяк, даже не пытался спрятать руку с печаткой, исчезнувшей с перста паладина. Рыцарь почувствовал ярость.

– Я буду драться с ним, если это вас развлечет, – сказал рыцарь, указав на здоровяка.

– Как вам такое развлечение? – спросил старейшина.

Раздались хлопки, возбужденный гул, а затем повисла тишина. Здоровяк вышел в центр освобожденного поля и сжал кулаки. Рыцарь снял кольчугу, чтобы быть наравне с почти голым верзилой, и кинулся в драку.

Сперва здоровяк был неповоротлив, и пропустил несколько ударов, но затем собрался, обхватил рыцаря и поднял в воздух. Он уже собирался бросить Йосипа на землю и сломать ему хребет своим весом под вой соплеменников, как вдруг тот ловко извернулся и обхватил корпус соперника своими ногами. Цыган потерял равновесие и упал, после чего Йосип долго катался с ним по пыли, нанося неисчислимы удары. В конце концов, здоровяк сник, сдался и Йосип победно снял у него с пальца свое кольцо.

Но не успел рыцарь ощутить вкус победы, как тут же попался в руки другого цыгана, того, у которого были краденые сапоги. Сражение с усачом было трудным, так как тот был хитрее и изворотливее поверженного детины. Драка длилась полчаса, или даже больше, зрители начали уставать, и, в конце концов, старейшина приказал остановить бой.

– Что скажете? Отдать Оману его вещь или нет? – спросил седой цыган у толпы.

– Один сапог! Один! – закричали цыгане.

Оман, усач, снял один сапог и бросил в Йосипа. Тот увернулся.

– Слушайте, – сказал Йосип, – я готов оставить вам сапоги и деньги, которые там были. Верните только мой меч. Он многое значит для меня. Я готов драться хоть со всеми вами за него.

Старик подозвал одного из молодых цыган и спросил что-то на своем языке.

– Твой меч купил торговец из Сенари. А теперь уходи, Ананда. Коня твоего твоя она уже забрала, смотри, чтобы его волки в кустах не съели. Иди к своей жене, она уже два часа ждет. Нехорошо, когда женщина впустую ждет. Две вещи я тебе отдал, третья наступит, чего тебе еще?

Йосип не понял, что значат слова цыгана о какой-то там женщине, но догадался, что снискал у цыган имя Ананда.

Рыцарь забрал кольчугу и направился к тому месту, где прятался со слугой. Ему в спину снова полетел его сапог, но Йосип не стал его брать. Какой толк с одного сапога?

Через сто шагов его окликнули. Старушка-цыганка подошла к нему и протянула какой-то мешочек.

– Ананда, – сказала она, – Ананда – значит, Отчаянный. Цыганам ты понравился. С этим ты сможешь просить покровительства у любых цыган, ты теперь вроде как свой. Бери, спрячь, и не теряй. Ты сам как солнце, тебя ничто не затмит, но в доме у тебя живет злая змея. Запомни, змея! Сапоги с повешенного позже возьмешь, они тебе еще пригодятся. А деньги невеста забрала. У нее спроси.

Рыцарь положил мешочек за пазуху. Он не понял почти ничего из бормотания старухи.

Йосип был страшно рад, что вернул коня и перстень, но твердо решил найти меч. Сенари находился довольно далеко на севере, но был шанс догнать торговца, если тот, конечно, направился в город.

В лесу Айрис соорудила что-то вроде шалаша, и рыцарь заночевал в нем, доведенный дракой и огорчением до абсолютной усталости. Ему приснились отец и сестры, родной дом, на который неминуемо надвигалась гроза. Проснулся он в прекрасном расположении духа, поел что-то из того, что предложил «мальчишка». Айрис, пока шла драка, стащила у цыган сыр и кусок мяса, а также половину каравая.

Сразу после рассвета они отправились путь. Так как конь остался без седла, ехать на нем было совершенно неудобно. Впрочем, как и идти в деревянных башмаках через лес. Набив мозоли и потеряв доброе расположение духа, рыцарь и его спутница добрались до селения, что лежало на пути к Сенари.

Селение было процветающим, особенно в сравнении с тем, где Йосип подобрал Айрис. Здесь были крепкие деревянные дома с амбарами, конюшни, таверны, ночлежка и большая рыночная площадь. Пока путешественники глазели на менялу, рядом с которым в качестве зазывалы стоял полоумный кликуша, то высоким, то низким голосом звавший обменять деньги, на площадь стали стягиваться люди: начиналось какое-то действо.

Айрис куда-то пропала. Когда через полчаса она появилась, от нее пахло едой и пшеничным пивом. Она бегала в харчевню, чтобы попробовать все то, о чем понятия не имела все свои 15 лет: копченый окорок, пшеничный хлеб и душистый хмель. Йосип подивился слуге и даже задал легкую трепку, с суровой, как ему показалось, проповедью о вреде воровства, но Айрис была пьяна и только веселилась «наставлениям».

От нравоучений отвлек глашатай, взобравшийся на бочку и протрубивший в рог. Когда над площадью воцарилась тишина, глашатай начал:

– Указ. Все мужчины, от возраста четырнадцати лет, должны служить послужить во славу Князя в доблестной армии Князя. Это приказ Светлого Князя. Запись добровольцев будет проходить в каждом селе. Напоминаем, что это жест доброй воли каждого – послужить отчизне. За неповиновение, укрывательство и дезертирство виновные будут сурово наказаны. В первый раз – штраф в половину имущества и сколько еды будет в доме. Второй раз – забор и продажа в услужение одного из семьи. В третий раз – забор всей семьи в услужение, с потерей всего имущества и еды. А теперь танцы.

Чтобы скрыть возмущенный рев толпы, быстро заиграли музыканты. Глашатай слез с трибуны, уступив место шуту, который дурным голосом стал петь непристойности. Часть зевак осталась слушать и хохотать над пошлыми куплетами, а вторая разбрелась по коробейникам, разложившими свой товар. И только несколько женщин сгрудились вместе и плакали, мысленно провожая сыновей на погибель.

Йосип пытался выискать среди торговцев того, у которого мог бы быть его меч. Он у всех спрашивал об оружии, дважды ему предлагали чужое. После тщетных поисков голодный и отчаявшийся Йосип присел, чтобы немного отдохнуть, как вдруг увидел, что торговец, только что предлагавший ему старую кривую саблю, вынул перед богатым купцом его меч! Купец придирчиво всматривался в герб, изучал тиснения и смотрел, как на лезвие сверкает солнце.

Йосип побагровел и вскочил с места. Он чуть было не задушил торговца, укравшего от него его собственность, его меч. Рыцарь бесцеремонно подскочил к купцу, выхватил у него свое сокровище, поднял крик. Торговец стал звать на помощь, вскоре пришли дружинники, схватили Йосипа и торговца, и потащили к судье.

Судья был полным мужчиной лет сорока, на его темени зияла плешь, а взгляд был мягким и даже приветливым. Он жил в добротном доме, и тут же, не выходя за пределы двора, обычно вершил суд. Возможно поэтому к нему во двор часто подбрасывали разные неприятные вещи, вроде козьей головы с рогами, кусков коровьего навоза и тухлых яиц... Вот и сейчас под порогом у судьи красовалась петушиная голова, надетая на палку. Впрочем, судья не обратил на нее никакого внимания.

– Чего ты раскричался, – спросил судья у рыцаря, – это что, твой меч?

– Да, у меня его украли, – сказал Йосип.

– Чем ты докажешь, что он твой?

– Там фамильный герб. Я рыцарь из поместья Сыся, к западу отсюда.

– Ты выглядишь как оборванец, – заметил судья.

– Цыгане обокрали меня, – смущенно признался Йосип, – и забрали меч.

– Судья, он сам признался, что лишился меча! Я купил его у цыгана, и отдал, между прочим, триста монет – все, что у меня было. Вели отдать мне деньги, – спешно затараторил торговец.

– Цыгане. Здесь был цирк на прошлой неделе, – задумчиво скал судья, – они давали хорошее представление. Ходили на этих... ходулях, кувыркались, скакали на конях через горящий стог. Однако после их выступления у людей много чего пропало: у соседа вынесли бочонок с вином, а у моей жены исчезли серьги прямо из ушей. Жалоб было много. Следует написать об этом князю. Так что же вы хотите? Отдай ему деньги, рыцарь, и дело с концом.

– Судья, – молвил Йосип почти гордо, – у меня нет денег. Все украли. Как только я доберусь до имения, то выплачу ему все до последней монеты, и дам сверху с десятков. Клятва рыцаря, – добавил он и ударил себя в грудь.

– Устраивает тебя такое? – спросил судья у торговца.

– Судья, я не могу верить этому человеку. Может, он врет. А меч я хотел продать за большие деньги, в городе. Я думаю, на торгах смогу выручить за него тысячу монет.

Йосип снова побагровел. Еще ни разу его не называли лгуном, он был самым честным из всех детей в семье. Ему захотелось трясти торговца до тех пор, пока не вытрясется из него мелочная душонка.

– Судья, вели отдать мне, благородному рыцарю, мой фамильный меч. Без него я покрыт позором до конца моих дней. Взамен я отдам моего коня.

Судья задумался. Он знал всех окрестных землевладельцев и не хотел ссориться с ними, поскольку каждый был влиятелен. С другой стороны, с торговцами тоже нужно было бы быть помягче, ведь они несут процветание, на местную площадь приходит множество покупателей,

и все при деньгах. У жены судьи была семейная харчевня, и она приносила солидную прибыль за счет торговцев. Откажи сейчас этому – обидится, расскажет, что здесь обирают.

– Приведи коня, – сказал судья.

Йосип вышел на улицу, позвал Айрис, которая, словно хомяк, снова сбегала в харчевню и набила живот яблочными пирогами, припрятав часть из них за пазухой. Ее даже начало мутить от излишеств.

Йосип отвесил «мальчишке» оплеуху и велел привести лошадь. Айрис кое-как успела исполнить приказ перед тем, как ее желудок стал самостоятельно выталкивать обратно сперва пирожки, затем пиво и окорок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.